

Валентин Самарин – вечный скватор.

Фото Вадима Алексеева

Метатеатр парижских скваторов

Алексей Хвостенко в фотографиях

Валентина Самарина

Вадим Алексеев

Алексей Хвостенко, он же Хвост, известен прежде всего своими песнями, его театральную работу почти не знают в России. «Метатеатр Алексея Хвостенко» – название выставки фотографий Валентина Самарина, открывающейся сегодня в московском клубе «Билингва». Валентин Тиль Мария Самарин – легендарный питерский фотограф, родоначальник русской абстрактной фотографии. За излишне свободное поведение Тиль был выслан из Ленинграда и обосновался в Париже, где и сдружился с Хвостенко – вместе они открыли множество художественных скваторов и русский театр «Симпозион».

– Валентин, вы начинали как абстрактный художник, но вскоре забросили живопись ради экспериментальной фотографии.

– Фотографом традиционным я никогда не был, фотографии думают о контакте негатива и позитива, а для меня это тайна, я просто получаю результат, который не могу объяснить. Нор-

телесного цвета и возникали эротические темы. Вскоре я открыл салон «Студия 974», названный по году бульдозерной выставки. В нем участвовали молодые художники, начался он с церкви Кирилла и Мефодия на углу Старорусской и Мытнинской улиц, где был первый санкт-петербургский скват. Какое-то проектное бюро бросило церковь в полуразрушенном виде, и туда заселились художники, где-то полгода милиция нас терпела. Какой-то нижний милиционерский чин говорил: «Кирилла мы знаем – Кирилл Миллер. А кто Мефодий?»

– С Хвостом вы познакомились там же?

– Нет, в Петербурге мы не были знакомы, хотя в разное время работали ассистентами доктора Кнорозова – Хвост помогал ему расшифровывать язык майя, а я – рапануйский диалект острова Пасхи. Мы познакомились в Париже в 81-м году, выставлялись вместе и катались по разным городам Европы. Самым удивительным было наше путешествие в Африку, в Марокко, куда мы на месяц поехали в числе семи «артистов Европы». Мы делали выставку в Магадоре – крайней крепости римлян на Атлантике. Ателье наше на-

– Хвост был человек особенный и этого не скрывал. Хвоста рассказать нельзя. Если человек действительно состоялся, невозможно просто взять и рассказать его характер и склонности: все это будет незначительно. Все мы немножко играем в жизнь, а он жил сам по себе, своей жизнью – и очень часто это ему удавалось. Хвост не был эзотериком, но все эти вещи хорошо знал и чувствовал, о чем мы можем судить только по его творчеству. Он был умным без хитрости, властным, сильным человеком, хорошо чувствовал людей. Он мог говорить людям не очень приятные вещи, но эгоистом не был. Он был смелый, но осторожный – я большой авантюрист, чем он. Хвост не был особо сентиментален в смысле воспоминаний, был всегда лаконичен и склонен к более точным вещам. Он наотмашь вел самые разные линии в жизни, но прежде всего был поэтом и бардом. Он не был рассказчиком, больше любил взять гитару или прочесть стихи. Большая часть стихов и песен посвящена женщинам.

– Ваша выставка называется «Метатеатр Алексея Хвостенко». Почему?

– Хвост очень любил театр, недаром учился в Театральном институте на Моховой. Он сам писал пьесы, сам их ставил и сам в них играл – атмосферу я в какой-то степени передал в своих фотографиях. Его театр существовал в условиях сквата, участники иногда были профессионалами, но чаще, благодаря его способности работать с актерами, проявляли таланты люди, которые никогда ничего не играли. «Иона», «Пир», «На дне» по Горькому, который он называл рок-опера, фантастический спектакль «Розовый террор» – о смене поколений, с которым столкнулась сейчас цивилизация. Это был философический террор, не имеющий никакого отношения к террору нынешнему, но довольно страшный, террор входящих в жизнь молодых девчонок и парней. Он много раз предлагал мне играть, я отказывался – там надо было кого-то еще изображать, а я сам по себе. Тогда он говорил: «Изображай самого себя!» В последнее время он был очень грустный и, думаю, чувствовал, что скоро все кончится. Возвращение в Россию было радостью для него, но радостью особенной. Последний поставленный спектакль назывался «Первый гриб», а самый последний перформанс, в котором он участвовал, – его собственные похороны, которые состоялись на станции Сходня Октябрьской железной дороги, между Санкт-Петербургом и Москвой. Совершенно новое кладбище, две узкие полосы захоронений, белое поле, черный лес, его песни, которые мы пели, буксующие на заснеженном поле машины, неожиданно возникшая драка, девчонка, которую там забыли, поминки в Зверевском центре. Леша Хвост – еще одна загоревшаяся в небе звездочка. Для меня большая радость, что люди, пришедшие на выставку, много увидят и почувствуют. ■

Розовый террор. 1995 год.

Фото Валентина Самарина

мальная фотография с той или иной точностью и степенью технического совершенства передает с пленки на бумагу, как этот процесс существует. Но если в этот процесс вмешаться и ввести какой-то коэффициент свободы, то начинается чудо. Благодаря фоторепортеру, с которым мы снимали фигурное катание, появилась моя первая тема – балет. И как фотограф я вошел в труппу Леонида Якобсона «Хореографические мини-атюры», которые все время путешествовали между Москвой и Ленинградом, их не выпускали за границу. Тогда у Якобсона начался роденковский цикл, где артисты танцевали в костюмах

ходило в старинном брошенном замке самого страшного марокканского злодея начала XX века, Каика Момбакка, который всю страну держал в страхе. Мы познакомились с очень милым, почти европейским внуком злодея. Во дворе Хвост сделал огромную мощную скульптуру, которую назвал «Тиль Мария», а я – абстрактные метафизические фрески в полтора метра на страшную высоту. Хвост ночевал в гостинице, а я оставался в замке.

– Хвост был очень разносторонним – скульптором, артистом, музыкантом, художником, но прежде всего считал себя поэтом.